

Е. Н. Успенская

ИНДИЙСКОЕ КАСТОВОЕ ОБЩЕСТВО: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И СОСТАВ

Современное индийское общество отличается феноменальной мозаичностью состава. Многочисленные и разнообразные языковые, этнические, конфессиональные, кастовые группы не просто соседствуют, они сложно переплетены в ткани общественного организма. Самоидентификация индийцев, как правило, неопределенна; на первый план в разных контекстах выходят разные ее варианты, они перекрываются и взаимно дополняются. Целые общины не имеют однозначной научной номинации. Эта картина — следствие сохранности традиционных форм социальной организации. Наиболее устойчивая и универсальная из них — кастовая, главенствующая по историческому приоритету и по масштабам влияния на общественное сознание и общественную практику со времен глубокой древности и не утратившая своего принципиального значения в наши дни. Индийской традиционной культуре неизвестен термин «каста», заимствованный из европейских языков, но именно развившаяся в Индии макросоциальная модель является эталонным «кастовым обществом», для которого характерны уникально дробное общественное разделение труда и капсуляция составных компонентов. Родственная самоорганизация действует здесь как единый системный принцип, а статусное ранжирование социальных коллективов является основой взаимодействия.

Структурными ячейками индийского традиционного общества являются профессионально специализированные родовые общины. Профессия и рабочее место передаются в этом тесном кругу родственников, практически закрытом для контактов с «посторонними». Общение между подобными коллективами регламентировано кастовыми предписаниями и табу. Особенно строги правила брачного общения, и родители обязаны устроить браки своих детей так, чтобы породниться с представителями собственной касты. Брачно-родственные связи формируют максимальный родственный коллектив *джати*. Экономика традиционного общества организуется на локальном уровне: в деревне, городском квартале складываются соседские кастовые общины, и представители разных каст оказывают друг другу практически все необходимые услуги, профессиональные и ритуальные, что в целом обеспечивает этой общине жизнь. Всякий член кастовой общины в той или иной ситуации либо оказывает профессиональную помощь своим соседям, либо принимает ее. Этот тип хозяйствования не направлен на товарное производство: он строится на натуральном обмене. Кастовая община была основой макроэкономики Индии до начала процессов модернизации.

Кастовая идеология и сегодня остается феноменально влиятельным фактором общественного развития благодаря усилиям брахманов — жреческой элиты Индии. Кастовый способ организации социальной жизни восходит к архаической родоплеменной культуре, но стал вневременным благодаря индуизму и его социальному учению *чатур-варна-ашрама-дхарма* (букв. «закон четырех варн и четырех стадий жизни»).

Брахманические идеи¹ отражают социальную реальность древней Индии и свойственный ведическим индоариям родоплеменной уклад жизни с патриархальной организацией кланов и эндогамией племен. С точки зрения брахманической традиции и древнеиндийских законоучителей, общество *чатур-варна-ашрама* — это общество соблюдающих дхарму приверженцев и участников ведического ритуала, и полностью прав в нем обладают находящиеся на второй «стадии жизни» *грхастха* (букв. «находящийся дома», домохозяин) женатые мужчины в расцвете сил и возраста, молодые отцы семейств (у которых сыновья еще не родили собственных сыновей), главные добытчики и защитники общины. Оказываются вне кастового общества отрекшиеся от него отшельники и странствующие аскеты, и оно имеет право не принимать во внимание их интересы. Со времен дхармашастра известно, что женщина становится признанным членом общества, т. е. может участвовать в ритуалах, лишь как жена своего мужа и как мать сына. Во время брачного обряда она иницируется в социальный коллектив, и участие в ритуалах становится одной из главных ее забот на весь период жизни в супружестве: индуизм учит, что жена является нераздельной частичкой существа своего мужа.

Строго говоря, термин «индийское кастовое общество» и сегодня относится только к сообществу индуистов (Hindu), в котором связанные с религией кастовые ценности и регламенты определяют все аспекты жизни — частной и общественной. Это 82% населения страны, в которой проживают более 1,03 млрд человек. Касты, которых в списках Антропологической Службы Индии насчитывается около 3,5 тысяч, теперь политкорректно называются *communities*. Иностранцы стремятся выяснить касту индийцев при встрече, но это бестактность, да и нельзя рассчитывать на точный ответ. Среди своих индуистов обычно не скрывает кастовую принадлежность: она видна по фамилии и имени человека, его поведению и кругу общения, проявляется во всех частностях жизни. Она формирует и модель его религиозности, и культовые предпочтения, и даже в эпоху модернизации во многом предопределяет его экономическое положение, хотя теперь кастовая профессия не всегда сохраняется. Даже наиболее модернизированные элементы индийского общества так или иначе включены в кастовые взаимоотношения и поэтому не могут оторваться от своих кастовых корней. Традиции кастовой организации всесильны в сфере семейной обрядовости и ритуала, пренебрегать которыми осмеляются лишь единицы.

Каста наследуется от отца (в матрилинейных общинах — от матери) и имеет в своей основе родственные связи (реальные и потенциальные, отношения фиктивного и ритуального родства и т. д.), а кастовая идеология направлена на минимизацию контактов с «чужаками». Эта минимизация контактов доходит в отдельных случаях до сегрегации целых общественных слоев, прежде всего так называемых «неприкасаемых», которых теперь принято называть *далит* (букв. «угнетенные»). Сложная и тонко проработанная система выстраивания регламентированных и часто ритуализованных контактов между кастами и между подразделениями отдельных каст определяет специфику процесса общественного воспроизводства, характера разделения труда и бытовых норм в кастовом обществе. Эти традиции социальной жизни, несмотря на надежды европейских наблюдателей и индийских прогрессистов, не выказывают признаков исчезновения, хотя в современных условиях несколько размылись.

¹Наиболее авторитетная в отношении идей варново-кастового строя дхармашастра «Законы Ману», или Манавадхармашастра, была составлена в начале нашей эры.

В Конституции Республики Индия от 1950 г. позиция государственной власти в отношении касты выражена определенно. Документ запрещает употреблять понятие «неприкасаемые» — *outcaste* — и провозглашает, что дискриминация людей по признаку неприкасаемости (не по признаку касты вообще) является уголовно наказуемым преступлением (Ст. 17). Сами «неприкасаемые», в официальной терминологии — «зарегистрированные касты», занимают в кастовом обществе особое положение. Они, с точки зрения брахманической идеологии, не являются членами кастового общества, правила жизни кастового общества на них не распространяются, но без них это общество теперь уже практически не может существовать. В кастовом разделении труда они выполняют важнейшие виды работ, тех именно, которые считаются «ритуально нечистыми». Современное государство осуществляет в отношении них политику «позитивной дискриминации», т. е. предоставления преференций и квот в получении образования и поступлении на государственную службу. Социальная жизнь внутри этого слоя также строится на началах кастовой капсуляции и регламентированного взаимодействия.

Сообщества индийских мусульман, сикхов, джайнов, христиан, даже принципиально антикастовых нео-буддистов сохраняют в редуцированной форме или приобретают характерные особенности кастовой замкнутости и стратификации и вырабатывают для себя подобие кастового режима. Они не только несут на себе отпечаток индуистской кастовой организации, но и сами в определенной степени к ней добавляются как периферические компоненты. Исследования показывают, например, что хотя джайны и индуисты считают свои религии отдельными и разными, одни и те же касты существуют в обеих общинах [1, р. 110–116]. Джайны разрешают браки с индуистами и руководствуются при этом правилами, принятыми в кастовом обществе. Видимо, кастовое сходство выше различия религиозных учений. В этнокастовом сообществе джатов есть индуисты, мусульмане и сикхи. Они вступают в брак друг с другом, принимая во внимание только кастовые правила и не обращая внимания на религиозные особенности. В одной пенджабской семье одновременно могут быть сикхи и индуисты, и так было на протяжении всей истории сикхизма. В Южной Индии часто можно встретить христиан, которые не забывают о своем индуистском прошлом, а многие североиндийские мусульмане гордятся своими раджпутскими (воинскими) корнями. И, конечно, все они ревностно заботятся об избегании ритуального осквернения, соблюдая одну из главных заповедей индуизма. Образ касты живуч и влиятелен, потому что ее сущностная основа в высшей степени функциональна и рациональна.

В большей части специальных работ термин «кастовое общество» употребляется как полный синоним термина «кастовая система». Так, например, как это оговорено у М. К. Кудрявцева в книге «Кастовая система в Индии»: «Кастовая система — это иерархически организованная совокупность всех каст, функционирующая в особом кастовом режиме. Экономической ее основой является особое разделение труда между кастами в процессе добывания и распределения средств существования. В конечном счете это система традиционно организованного социального неравенства составляющих ее групп. Охватывая большую часть индийского населения, она превращает это большинство в особое кастовое общество» [2, с. 5]. По перечисленным выше особенностям состава кастового общества заметно, что понятие «кастовая система» не отражает кастовое общество во всей полноте. Более того, само представление о значении «кастовой системы» подвергается в последнее время переоценке.

К 1970-м гг. и в самой Индии, и за рубежом накопилось заметное количество работ, в которых специалисты-обществоведы подвергали критике считавшиеся хрестоматийными теории касты, обвиняя своих предшественников в массивированном преувеличении значения касты. Основания для этого были вполне определенными: вдруг стало заметно, что факты из теорий о касте, как они прописаны в книгах, плохо коррелируют с тем, что наблюдается в реальной жизни. Кроме того, Индия считается страной, существующей вне времени (на метафизическом подходе стоит и самая яркая теория касты, появившаяся во второй половине XX в. — теория Луи Дюмона [3]). С. Бейли [4] и некоторые другие историки [5, 6] в своих работах призывают нас обратить внимание на тот факт, что связанные с колониальным управлением административные решения, управленческие методы, научные исследования, статистические обсчеты, издание справочников и руководств и другие практические мероприятия британской колониальной администрации повлияли на самосознание индийского общества радикальным образом: они способствовали формированию касты как «системы». «Вся Индия приняла идеологию иерархических кастовых ценностей как единственную. Англичанам это было удобно: сначала для установления и упрочения своей власти через индийские элиты, а потом — чтобы ее поддерживать» [4, р. 101]².

При подготовке первой переписи населения Британской Индии в 1871–1872 гг. администраторы решали, нужно ли включать в списки касту численностью менее ста тысяч человек и как организовать сам список, который к 1891 г. превышал уже 2 300 000 названий [5, р. 29]. Эта дробность отражала традиционную структуру индийского общества, но делала статистический учет невозможным. Административные списки было решено «сократить», оставив в них около 3 тысяч единиц, для чего многочисленные группы, получившие название «подкасты», были объединены в «касты». Критерием для объединения кастовых общностей стало их название; например, название «горшечник» *кумхар*, по которому в одной «касте» оказались десятки тысяч социальных групп, даже не подозревавших сначала, что они относятся к касте горшечников. Так появились в документах касты «этнические», «профессиональные», «сектантские» и сама индийская «кастовая система». Британские власти произвели на свет феноменальную по объему учетную информацию, основанную на признании касты как основной идентификации жителя Индии. Эти материалы были систематизированы и опубликованы в виде Словарей каст и племен всех провинций, до сего времени сохраняющих значение основного источника по кастовой проблематике.

После 1931 г. вопросы о касте больше уже не ставятся в переписях населения Индии — ситуация с ними вышла из-под контроля и не помогала более в практической деятельности. Но в науке остались связанные с этим периодом заблуждения, ошибки и недоразумения, выдержанные в духе популярных в XIX — начале XX в. теорий, прежде всего расовой.

Хорошо известно, что рост интереса к кастовому составу индийского общества, как и вообще к этнографии Индии, начался после Народного восстания 1857 г. До восстания Бенгальские полки армии Британской Индии набирались из брахманов и раджпутов, особенно нетерпимых к нарушениям ритуальной чистоты. После событий 1857–1858 гг. произошли значительные изменения в политике управления страной. Англича-

²Апофеозом управленческой роли кастовой системы стал «Закон о преступных племенах и кастах» (1871–1911 гг.).

не в прямом смысле начали «разделять и властвовать» по рекомендациям специально для этой цели созданной этнографической науки, которая активно развивалась вплоть до тридцатых годов XX в. В русле этой науки специально для Индии была разработана сложносоставная и многомерная теория касты, в которой самыми заметными стали исследования Г. Рисли, У. Крука, Д. Иббетсона, Э. Бланта, Дж. Хаттона и Г. С. Гхурье.

Критики колониального дискурса говорят, что индийское общество сегодня выглядит так, как оно выглядит, потому, что люди строят свою жизнь в соответствии с навязанными им представлениями о касте, почерпнутыми из научных исследований: «Индия стала выглядеть как традиционное кастовое общество потому, что англичане видели ее такой и в итоге сделали ее такой» [4, р. 101].

«Анти-ориенталисты» во многом правы. Индийское традиционное общество исчезло из документов и исследований: вместо него появилась «кастовая система» как способ доступа к власти и привилегиям, а общественная жизнь обогатилась конфликтной борьбой за позиции в административных списках каст, причем как за места на верху иерархии, так и внизу ее, потому что появилась возможность получать льготы и привилегии. Социальные антропологи могут добавить к этим наблюдениям историков собственные. Кастовая система доступа к власти и влиянию имеет весьма отдаленное отношение к древней традиции дхармашастр, освященной веками теории и практики брахманического учения. Но она «взросла» на традиционных социальных связях и отношениях и, с точки зрения науки, выглядит как новый вариант их манифестации и вербализации; именно это делает касту влиятельной. В любом случае оказывается, что задача исследования индийских реалий весьма актуальна. Вероятно, мы все еще идем по ложной дороге с указателем «каста», а надо исследовать свойства традиционной ячейки индийского общества — категории «джати», которая на всем протяжении его развития была и остается в высшей степени функциональной.

В реальности кастовое общество строится на системном взаимодействии между категориями родственности *джати* — санскр. «происхождение, родство» (в терминологии западных исследователей это «подкаста»). Джати состоят из кланов и иных коллективов родственников, и все общение выстраивается по каналам родственных связей. Касты, этнокастовые общности, даже варны имеют в своей основе джати как базовые модули структуры. Именно на этом уровне организации проявляются все существенные черты индийского традиционного общества.

Уже в ходе первых контактов племен арья с автохтонами Индии (предками современных дравидов, мунда и др.) начали формироваться те особые модели межэтнического взаимодействия, которые оказали решающее влияние на формирование традиционной кастовой организации индийского общества. Четыре варны священны в кастовом обществе³. Брахманическая традиция учит, что носителями и распространителями варново-кастовой структуры общества были племена арья, пришедшие в Индию в середине II тыс. до н. э. Здесь они оказались в многоэтничном и расово чуждом окружении автохтонов *даса*, *млечха* и т. п., контакты с которыми стремились ограничить — жен в местных племенах брали, но дочерей им не отдавали. Именно так появилось индоарий-

³Слово «варна» буквально означает «цвет». В древнеиндийском обществе были четыре иерархических варны, или сословия: 1) *брахмана*, т. е. жрецы, учителя и учителя, чиновники; с этой варной ассоциировался белый цвет; 2) *кшатрия*, или раджанья, — правители и воины, знать; цвет — красный; 3) *вайшья*, торговцы и земледельцы; цвет — желтый; 4) *шудра* — ремесленники и другие обслуживающие общество группы; цвет для них — черный. Цветовая символика варн уже тогда была вполне «неактуальной».

ское население страны. Со временем процесс межэтнического взаимодействия в виде браков между представителями разных групп населения стал почти неуправляемым, что привело, как считает брахманическая традиция, к созданию многочисленных каст, относящихся к той или иной из четырех варн (так называемая «теория культурного шока»).

Соотношение «варна—каста» — один из самых широко обсуждаемых в литературе по касте вопросов. С ведическими общественными категориями ситуация довольно понятная: они носили сословно-классовый характер. Высшие три варны на первом этапе налаживания взаимоотношений между арья и автохтонами Индии определенно объединяли только арья-население. Три варны, сообщество дваждырожденных, имели общих богов и общий ритуал, Веда — их достояние. К этому обществу была добавлена четвертая варна, которая включала в свой состав широкие слои населения, не входившего в варны завоевателей, т. е. практически все автохтонное население. Это понятно уже по тому, что с самого начала эта категория не имела права на ведический ритуал. Со временем некоторая часть входивших в варну шудра групп попала в высшие варны.

Собственные занятия брахманов и даже кшатриев носят непрактичный характер, и даже сегодня в вопросах жизнеобеспечения они полностью полагаются на представителей более низких социальных групп, которые буквально поддерживают жизнь брахманов и кшатриев. Сначала это были *виши*, простолюдины сообщества арья. Но со временем они стали варной вайшья, не столько торговцами, сколько посредниками и подрядчиками между всеми арья и многочисленными работниками автохтонного происхождения. Эти последние предоставляли большое разнообразие услуг, которое уже тогда было характерно для индийской культуры жизнеобеспечения. В совершенно новых экологических условиях, в каких оказались арья, жизнь всем «дваждырожденным» стали обеспечивать профессионалы из слоя шудра. Но завоеватели не знали подробностей о внутренней структуре населения, вошедшего в состав четвертой варны. Похоже, что оно состояло из кастоподобных образований уже тогда, когда пришло в соприкосновение с арья.

В структуре кастовой системы действительно заметно, что первоначальные социально-экономические категории ведического общества, сословно-классовые по характеру (жрецы-брахманы, кшатрии-воины и виши-земледельцы), были «усилены» и усложнены присоединением к нему уже существовавших социально-экономических и статусных групп местного населения. Совершенно очевидно, что арья как завоеватели поставили свои три варны в начало списка, во главе всей структуры, включая местное общество. В ходе этого процесса некоторое количество местных кастоподобных образований было инкорпорировано в уже известные варны. Некоторые — местные маги и жрецы, например, а также вожди и правители, — при известной степени конформизма, становились не самой привилегированной, но частью уже известных варн.

Классическая брахманическая схема общественных страт и ее модификация за века существования — это увлекательный предмет для исследования. И сделано в этом отношении еще очень мало. Наиболее продуктивной выглядит гипотеза о перенимании арьями кастовых правил жизни от автохтонного населения. Здесь уместно процитировать мнение И. Карве. «Если судить только по санскритской классической литературе — нет свидетельств, что каста была “изобретена” расистки настроенными брахманами. Напротив, ситуация выглядит так, как если бы арья нашли этот феномен здесь и приспособили его к своей системе (Е — системе классов раннего общества). Союз варны

и касты, какой мы наблюдаем в более поздние эпохи, — это результат объединения двух разных социальных систем, имеющих отношение к двум разным культурам» [7, р. 58].

Современная этносоциальная ситуация складывалась в ходе масштабного процесса распространения индуизма и духовной власти брахманов на территории Индийского субконтинента. Естественные труднопреодолимые барьеры Гималаев, морей и океана превратили индийский субконтинент в особую культурно-историческую целостность, имеющую черты развития, характерные для изолята (архаичность институтов, в частности). Индуизм, выросший на почве ведической религии и обогатившийся верованиями и культовой практикой автохтонов Индии, приобретший краски мира пуран и эпоха, тантрические традиции, стал мировоззренческой основой этого культурного мира.

Брахманы разработали священную географию индуизма и на «территории дхармы» осуществляли свой идеал общественного устройства. Их деятельность приняла форму распространения «культурного» образа жизни индоариев на все более и более широкие круги иноплеменного населения. Это собирание земель и народов носило постоянный и целенаправленный характер и оставалось доминантой деятельности традиционной элиты индийского общества — жрецов-брахманов и правителей-кшатриев, — на протяжении тысячелетий. Этот процесс получил название санскритизация (букв. «окультуривание») [8, с. 9–11]. Его не остановили многочисленные волны иноземных завоевателей и переселенцев (персов и греков, шаков-скифов, эфталитов-белых гуннов, шанов и мн. др.), напротив, все они оказались включены в состав населения Индии в виде каст этнического происхождения или этнокастовых общностей. Процесс санскритизации племен продолжается и сегодня, и они включаются в сообщество индуистов на правах низших «зарегистрированных» каст.

Ядро санскритизации — индоарийское общество создателей варн и Вед. Представители внекастовой периферии, в роли которой были в свое время дравидские и иные автохтонные группы населения, а также пришлые племена завоевателей и переселенцев, проходили процесс включения в это общество через принятие ими системы мировоззренческих установок брахманизма-индуизма, что с необходимостью влекло за собой вписывание в варново-кастовую структуру сообщества индуистов. Санскритизация отдельных общностей могла происходить долго, в несколько этапов, могла даже переживать регресс, но она обязательно происходила — об этом говорят реалии жизни кастового общества. При этом новые его участники обогащали складывающуюся многокомпонентную культуру своими достижениями.

Включающиеся в орбиту индуизма новые коллективы (чаще всего это этнические общности) принимаются в кастовое общество обычно на правах низших его членов: прежде всего как профессионалы того или иного дела, занимающие определенный участок в общественном разделении труда, и постепенно входят в круг брачных партнеров для каст примерно своего статуса. Каждый подобный коллектив со временем принимает форму особой касты с ее характерными особенностями и оказывается вовлеченным в межкастовые взаимоотношения на ограниченной территории. Именно таким образом появились в сообществе хинду многочисленные «касты этнического происхождения» (букв. «джати»), коллективы родственников, такие как племена и фрагменты племен, родовые общины. С тех пор самоорганизация родственных коллективов лежит в основе кастового строя, и он воспроизводится в своей структурной матрице именно благодаря идее джати — «созданного Богами класса людей». Те касты, которые, казалось бы, не имеют отношения к древним племенам, на самом деле тоже в отдаленном прошлом

составляли каждая некий чужеродный коллектив родственников или соплеменников, «принятых» в общество. Отдельные джати воспроизводятся налаживанием брачных контактов по правилам эндогамии — ищут брачных партнеров своим детям в собственной среде.

Касты объединяют по множеству джати с одним названием на всей территории страны, и это уже заслуга британской колониальной администрации. В браки между собой разные джати одной касты не вступают. Традиционные задачи воспроизводства решаются на уровне джати, и здесь традиционное общество передает полномочия разного рода ассоциациям джати. Они действуют на тех уровнях современной политической и экономической системы, где архаические возможности джати уже бессильны. Например, в политических целях объединяются не только многие однотипные джати, но и многие касты — так вернее достигаются успехи на выборах, например.

Благодаря тому значению, которое придается в Индии отношениям родственности и самой джати, кастоподобные модели воспроизводятся и в не-индуистских общинах Индии. В кастовом обществе действует единый универсальный тип организации общественных коллективов и один системный механизм взаимодействия между ними. Индуизм как социальная технология строится на полном понимании этой природы кастового общества и даже формирует ее. Он работает также именно с джати и ее семейно-родственными составляющими. В индуизме кастовая идеология взаимодействия и культовое предписание разработаны в концепциях *джати-дхарма* и *кула-дхарма*, предназначенных для соответствующих социальных категорий.

Культово-обрядовая сторона индуизма (напомню, в оригинале он называется «религия дхармы», хинду дхарма) «адресно» зависит от социального положения группы, которая исповедует эту религию. Каждая подобная группа выполняет собственную кул-дхарму (дхарму семейно-родственной группы) и джати-дхарму (дхарму касты). Джати-дхарма каждой касты определяет наследственное профессиональное занятие как единственный подобающий ей способ добывания средств к жизни и рассматривает санкционированную кастовым обществом трудовую деятельность на благо этого общества как религиозное служение, деяния на пути выполнения дхармы. Напротив, кул-дхарма имеет дело с тем кругом религиозных представлений и видами обрядовой практики, которые чаще всего определяются в литературе как «религия индуизм», хотя индуизм этими аспектами влияния не исчерпывается, о чем сказано выше. Какие именно боги и культовые персонажи станут для человека главными объектами почитания, зависит от принадлежности его к определенной семейно-родственной и кастовой группе. В кастовом обществе это всегда будет его родовой культ. Индуист богов не выбирает. А соблюдение правил кастового режима само по себе делает человека практикующим индуистом.

Очень интересны в этом контексте общности, санскритизация которых не была полной (например, раджпуты). Их особенности могут быть экстраполированы на множество ситуаций с другими кастовыми и племенными общностями, что позволит определить степень их адаптированности в индийском обществе. Видно, какие факторы имеют для этого общества сущностное значение (например, брачные законы), а какие носят внешний, формальный характер. В результате неполной санскритизации образуются «этнокастовые общности», сохраняющие под кастовой оболочкой этническое своеобразие.

Есть и другие варианты исхода санскритизации. Новая группа, пришедшая в регион, может оставаться в течение долгого времени в положении кастоподобного образова-

ния, если имеет уважаемое большинством право на самостоятельность образа жизни. Евреи и христиане в Керале, парсы в Гуджарате и Бомбее, джайны и множество мусульманских каст в различных деревнях и городах — именно таковы. Они выполняют очень важные экономические функции в традиционной системе общественного разделения труда, но не имеют определенного положения в местной кастовой иерархии. Однако они совершенно не могли бы налаживать свои контакты с кастовыми индуистами, если хотя бы внешне, по способу взаимодействия, не были оформлены как касты. Не имели бы статуса, правил общения, общественного положения и своего лица. При этом, поскольку к ним относятся как к касте, т. е. не вступают с ними в брак (тем самым провоцируя их собственную эндогамию), не отнимают их профессию и не навязывают другую (уважая их кастовое занятие), то сосуществование в обществе «настоящих» каст и в сущности не-каст очень возможно. Сам принцип связывания, сочленения отдельных групп в одном обществе характерен, таким образом, для всей индийской культуры (unity in diversity).

При этом важна не только идеологическая инфраструктура, но и политическая и экономическая, а именно — существование государства дхармы, каковым в течение столетий считалось так называемое *хинду радж* (букв. «власть, государство хинду»). Для успеха дела санскритизации нужны не только брахманы, но и правители-дхармараджи, т. е. правящие в соответствии с дхармой и во имя дхармы. И на длительных этапах истории их заинтересованность была определяющим фактором в процессе расширения территории власти индуизма и собирания сообщества «культурных» людей, т. е. кастового общества.

Литература

1. Laidlaw J. Riches and Renunciation. Religion, economy and society among the Jains. Oxford, 1995.
2. Кудрявцев М. К. Кастовая система в Индии. М., 1992.
3. Dumont L. Homo Hierarchicus. The Caste System and its Implications. London, 1970.
4. Bayly S. Caste, Society and Politics in India from the Eighteenth Century to Modern Age // The New Cambridge History of India. IV. 3. Cambridge, 1992. P. 101.
5. Dirks N. B. Castes of Mind. Colonialism and the Making of Modern India. Princeton, 2004.
6. Jaisval Suvira. Caste. Origin, Function and Dimensions of Change. New Delhi, 2000.
7. Karve I. Hindu Society — an interpretation. Poona, 1961.
8. Успенская Е. Н. Раджпуты. Традиционное общество, государственность, культура. СПб., 2003.